

Ұлы ұстаз бойынша конфуцийлік ізгілік, жақсылық, рәсімдер арқылы ағартушылыққа жетелейтін күш. Ал ағартушылық - негіздердің негізі, Шығыс философиясының маңызды категориясы. Ағартушылықты әртүрлі ілімдермен, әртүрлі жолмен түсінуге және түсіндіруге болады, бірақ мәні, терең мағынасы әрқашан бірдей - дүниетанымның сапалы жаңа деңгейіне көшу, адамның, сананың шекараларын кеңейту.

Айтпақшы, Конфуций дәуірінде Қытайда «синь шу» - «жүрек техникасы» деген тіркес болған. Синь шудың иелігі адамдар арасындағы сенім, шынайылық пен мейірімділікті қамтамасыз етті.

Ақиқат, ізгілік жолындағы ұстаз Цзэн:

- Мен күніне үш рет өзіме сұрақ қоямын: адамдар үшін адал еңбек еттім бе? Достармен қарым-қатынаста шынайылық сақтадым ба? Өзіме үйреткендерді ой елегінен қайта өткіздім бе? - деп ой толғайды. Бұл тұста ұстаздың өзінің бойындағы ізгі құндылықтар мен амалдарын сараптап, күнделікті есеп жүргізгенін көре аламыз.

Конфуцийдің артынан қалған барлық өшпес мұраларының адамгершілік, ізгілік, жақсылық пен рақымшылыққа арнағанын білеміз. Ұстаздың айтып жүрген дүниелерін шәкірттері атадан балаға мәңгі қазына етіп жалғастырып келеді. Сабақтастық деп осыны айтпай, нені айтамыз? Ал қазір ұлы ұстаздың еңбектері мемлекет, ұлтқа, жікке, тілге қарамастан әлі де өзекті, қоғам үшін бағасын жоғалтпады. Қарт ұстаздың «Адамгершілік қайда болса, сонда бақыт тұрақтайды. Ақылды адам оны таңдамай қалай дәті шыдайды?» [2, 30 б.] деп сұрақ қою арқылы біздерге философиялық ой тастайды. Бақытты таңдамай, бақытсыздыққа бет алатын есуас іспеттес. Бақытты бәлкім адамдар әртүрлі түсінеді, әртүрлі игіліктен көреді. Әрбір бастамалар игілікке саятын болса, сөзсіз сол жерде бақыт бар. Бұны түсінетіндер, осы жолда еңбек ететіндер әрқашан өмірлік жеңімпаз.

Конфуцийдің «жақсылық жалғыз емес, оның әрқашан жақындары бар», «бүкіл өмір бойы басшылыққа алуға тұратын сөз бар ма?» деген сұраққа - «бар, ол сөз- мейірімділік» - деп ізгілік тұжырымындағы айтқан ойлары шүбәсіз оның осы жолдың бастамашысы екендігінің дәлілі емес пе?

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ахметова И.А., Карипбаев Б.И. Конфуций дүниетанымындағы философиялық – этикалық мәселелер. Science and practice: implementation to modern society: VIII Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. - Манчестер: «InterConf», 2020. – С. 673-678 // <https://ojs.ukrlogos.in.ua/index.php/interconf/article/view/7925>
2. Конфуций. Лунь Юй. Алматы: Аударма, 2015.
3. Юляң Фың. Қытай философиясының қысқаша тарихы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2020. – 368 б.
4. Иванов А. Шығыс философиясы: тарихи контекст. Мәскеу, 2018.
5. Максвелл Д. Ежелгі Қытайдағы этикалық ілімдер. Лондон, 2009.
6. Хойт Дж. Конфуций мен Лао-цзының қазіргі Қытай мәдениетіне әсері. - Бейжің, 2020.
7. Чан В. Қытай философиясының тарихи очерктері. Алматы, 2015.
8. Akhmetova I. & etc. The foundation of volunteering is charity: a philosophical approach. Вестник Карагандинского университета.- Серия Философия. №4 (108). – 2022. – С. 152-160

УДК 1 (574)

ПРОФЕССОР АБЖАНОВ Т.И. И ДИАЛЕКТИКА

Батулин Владимир Степанович

Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный профессор кафедры философии и теории культуры,
Караганда, Казахстан

Память о человеке имеет удивительную способность. Она в чем-то созвучна с творчеством великого древнегреческого скульптора Фидия. На вопрос о том, как он творил, не имея перед собой оригинала, он якобы, отвечал, что творил в порыве вдохновения, который возносит дух надо всем земным, в котором непосредственно виден божественный дух. И поэтому от имеющейся перед собой глыбы камня просто отсекал все то, что не соответствовало этому образу.

Так и человеческая память. Чем больше увеличивается отрезок времени, отделяющий нас от земной жизни человека, тем время, этот великий ваятель, воссоздавая в нашей памяти образ этого человека, попросту отсекает все то, что при его жизни было наносным, случайным, второстепенным. Одним словом – несущественным. В итоге, говоря философским языком, остается только сущность.

Зная человека не один десяток лет, говорить о нем и легко. И в то же время – непросто. Поэтому в отсекаемом в образе о Толеугазы Искаковича Абжанова, по моему мнению, надо отметить, прежде всего, то, что ему были **чужды гордыня и тщеславие**. При этом он всегда оставался как бы в тени других.

И эти качества быть, как бы ведомым по жизни, похоже, ему были предопределены самой судьбой. И не важно, касалось ли это его семейной жизни. Где для него авторитет мнений супруги, Дамижан Алькеновны, и особенно мамы, пока она была жива, был, попросту непререкаемым. Или места работы, где, практически, он никогда не рвался в руководители. Даже тогда, когда для этого возникали вполне благоприятные условия, он предпочитал оставаться под женским единоначалием. И тогда, когда заведующей кафедрой была Марьям Сагиновна Сагинова. Именно она, сумела разглядеть в нем философскую «жилку». И сыграла далеко не последнюю роль в том, чтобы он стал аспирантом кафедры истории философии Киевского государственного университета. Естественно, в связи с чем, он никогда не скрывал, что являлся воспитанником и приверженцем киевской философской школы.

Подлинный же философский профессионализм Толеугазы Искаковича в качестве преподавателя Карагандинского университета раскрылся на кафедре философии под руководством Раисы Ахметовны Клещевой. Она, как талантливый руководитель, сумела создать такой коллектив, где важнейшим атрибутом был дух творчества, находивший свое проявление и в стенах самой кафедры. И, как следствие, переносимый затем в студенческую аудиторию. Поэтому на кафедре были чужды всякие склоки, проявления зависти, эгоцентризма. А это, в немалой степени, способствовало тому, что уже остепененные коллеги, в том числе и Толеугазы Искакович, не только сами служили примером для профессионального роста нас, молодых преподавателей. Но и не давали им самим останавливаться на достигнутом. Реальным подтверждением чему может служить тот факт, что он сам стал доктором философских наук. А ряд его молодых коллег, в том числе уже под его руководством, защитили кандидатские диссертации.

Он не был злопамятным. Это уж мне, находившемуся с ним больше всех из окружавших его коллег в состоянии постоянной боевой готовности к спору, особенно по философской проблематике, это очень хорошо знакомо. И даже тогда, когда он получил отказ от его предложения стать моим консультантом при написании докторской диссертации, он, тем не менее, при случае, никогда не отказывался от дружеского совета и профессиональной поддержки.

По своему характеру **он не был конфликтным.** Вспоминается один весьма характерный случай. В 1979 году мы, по счастливому стечению обстоятельств, оказались в числе участников Всесоюзной школы молодых ученых по проблемам идеологической борьбы. Это мероприятие проводил институт философии СССР при содействии ЦК ВЛКСМ на территории Высшей Комсомольской школы в Москве.

И у нас на секции, в духе названия самой конференции, казалось бы незначительный, по своему характеру, спор стал угрожать переходом во взрывоопасную обстановку. И тогда, в целях разрядки этой ситуации, руководство секцией было возложено на Толеугазы Искаковича. Хотя там были и другие остепененные участники, приехавшие из городов, гораздо более представительных по своему звучанию в сравнении с Карагандой.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что семье Абжановых был **чужд дух стяжательства**. (СТЯЖАТЕЛЬ, -я, м. Человек, стремящийся к наживе, приобретательству, алчному накоплению денег) [1]. Мы, члены кафедры, хорошо это знали. И ощущали это неоднократно, бывая в этой семье. Только вот у самого Толеугазы Искаковича при этом, все же наглядно проявлялась одна, если можно так выразиться весьма особая «страсть к приобретательству». Этой страстью – были книги.

Удивительно, но при любых жилищных условиях, в их квартире всегда находилось специальное место для книг. А вот их количество и разножанровость не могли не удивить даже любого, сведущего в этом профессионала. Приходилось лишь только удивляться тому, как их, далеко не малочисленная семья, могла позволить себе такую, в духовном отношении, действительно настоящую роскошь. Тут была и художественная литература, представленная, прежде всего, произведениями классиков казахской и русской литературы и поэзии. Отдельную светлую зависть у нас, его молодых коллег, конечно же, вызывали книги по философии. Это были работы, как великих философов, так и наших современников. И эта библиотека представляла собой не просто набор книг,

главной ценностью которых были бы очередная мода на находящиеся на слуху авторов, или только их красивый переплет. Именно освоение их содержания способствовало формированию профессионально безупречному лингвистическому билингвизму их владельца. Что, в свою очередь, находило практическое воплощение в процессе его и преподавательской деятельности, и в процессе чисто философских «дебатов» с коллегами, касающихся самых различной тематики, и в сфере его чисто научно философских изысканий.

Тут несколько подробно следует уделить внимание теме, указанной в заголовке. Дело в том, что и сегодня очень часто не делают особого различия между лингвистически коммуникативным и, собственно философским, пониманием сущности понятия «диалектика». Естественно, в разное время и в разных философских системах это понятие имеет далеко не однозначную трактовку своего смысла. Только вот обращаясь к этимологии этого слова, почему-то чаще всего, акцентируется основное внимание на том, что это – **«искусство спорить»**. «Диалектика (др.-греч. *διαλεκτική* «искусство спорить, вести рассуждение» от *διὰ* «через; раздельно» + *λέγω* «говорю, излагаю»)»... [2].

А ведь есть несколько иной акцент трактовки этимологии данного слова: «*Dialektik* < лат. *dialectica* «искусство спорить» (из греч. *dialektikē technē*)...» [3]. То есть, **искусство – это техника**, как не природное явление. А **спорить, рассуждать, говорить или что-то излагать**, естественно, можно только **при помощи слов!**

В данном случае, *dialektikē technē* – переводится как «техника диалога»! И это даже не столько «техника, сколько методология диалога». Поэтому стоит ли особо удивляться тому, что **сущность диалога**, как правило, сегодня сводят, в первую очередь, к «технике» **учета количества участвующих, то есть именно – говорящих в споре.**

Отсюда, под «**монологом**» подразумевают наличие только **одного говорящего**. Или, в пределе, это сводится к **безальтернативному** признанию только **одного, «альфа доминантного мнения»**. Что напрямую зависит от **ранга социального положения** того, кто является **автором** этого **мнения**: старейший, монарх, «вождь народов», президент, приказ, указ вышестоящего по уровню коллегиального органа (ЦК, Политбюро, Народного собрания) и т.п.

Под **диалогом** же, в данном коммуникативно количественном ключе, понимается обязательное присутствие в подобном состоянии обмена своими мнениями – **наличие только двух, спорящих между собой сторон.**

А **полилог**, в этом случае, отличается от монолога и диалога тем, что **число участвующих** в подобном «споре» **превышает цифру 2.**

Но ведь **подлинная суть диалога** заключена не в количестве его участников, излагающих при этом свое мнение. А в **конечной, завершающей цели** всего данного процесса.

Кстати, Платон **противопоставил диалектику** как **способ беседы или рассуждения, направленного на поиск объективной истины, эристике** – как методу спора, имеющему дело с **субъективной правотой** [2]. Здесь особо надо еще раз подчеркнуть – **именно методу, а не методике.** А вот теоретико практическому противостоянию проявления рецидива данной «субъективной правоты», как раз, и должна была служить только такая **методология диалога** («*dialektikē technē*»), которая, **независимо от количества, как принимающих при этом участников в «споре», так и озвученных при этом их мнений,** была бы направлена только «**на поиск объективной истины.**»

Данная методология представляла собой основу процесса строго логически обоснованного рассуждения по поводу определения истинности **любого теоретического положения.** И это, **первоначально произвольное избранное положение,** рассматривалось в **формате дихотомии в соотношении с другим положением, представляющим собой его контрадикторную оппозицию.** Причем, данное исходное положение, независимо от того, высказывалось оно в **утвердительной или отрицательной форме, первоначально условно определялось как «истинное».** То есть, выступало в качестве «логоса». А тогда **все иные, как противоположные и противоречащие ему, условно относимые к разряду «не истинных»,** соответственно, **рассматривались в качестве «а-логоса».** И тогда **диалог,** в данной его трактовке, принимал соответствующий формат – «**ди-а-лог!**» [4, с. 32].

Данный формат, осуществляемый в процесс последующего рассуждения, беседы, спора, с приведением соответствующих теоретических и практических аргументов, доводов, примеров, отсылок к авторитетным высказываниям и т.д., в конечном итоге, должен был привести к постижению истины. Ибо, «**...истинная мысль не есть мнение о предмете, а понятие самого предмета**» [5, 58].

Но даже если этот процесс, как правило, и не приводил участников в каком-то отдельном случае к истине, то он, именно в данном формате, имел своей целью **заставить своих собеседников задумываться не только во время данного диалога, но и после него.** И здесь трудно не

согласиться с мнением академика Ж.М. Абдильдина: – «...содержательный метод теоретического воспроизведения любой системы должен исходить не из понятия, логических постулатов, аксиом и не из «чистого опыта». Он должен, прежде всего, анализировать определенную эмпирическую реальность, предметную область и ее элементарное бытие, простейшую конкретность, из развития которой формировалась данное сложное целое» [6, 196].

Подтверждением этому может служить и то сходство, которое усматривал сам Сократа в своем искусстве вести беседу с искусством повитух. «В моём повивальном искусстве почти всё так же, как и у них, – отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жён, и принимаю рóды души, а не плоти. Самое же великое в нашем искусстве – то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» [7, с. 236].

Таким образом, переосмысливая память о философском прошлом Толеугазы Исаковича в данном рефлексивном контексте понимания сущности диалектики, можно отметить точно одно. Он никогда не был ни **софистом**, и уж, тем более, его никак нельзя отнести к числу приверженцев **эристике**. Но то, чем все мы занимались тогда в процессе поиска истины объяснимо одним. Эта традиция всех тех, кто был или все еще остается **ярким апологетом (сторонником) Софии**, как **богини мудрости**. Когда истинность в диалектике достигалась только лингвистически коммуникативным путем.

Но есть и совершенно иной взгляд на понимание сущности самой мудрости. Так, «Афиной Тритогиной у Демокрита называется мудрость... Ибо мудрость приносит следующие три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать» [8, 163].

В другом же варианте эта мысль выражена более конкретно. «Демокрит, объясняя производство слова «Тритогенея», говорит, что от мудрости получаются следующие три [плода]: [дар] **хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать**» [8, 163].

И тогда совершенно разная словесная (вербальная) дефиниция самой мудрости (то ли **Софии**, то ли **Тритогенея**) в корне меняет и смысловое назначение роли диалектики как диалога при достижении истины. Ведь в первом случае в диалоге (**в искусстве спорить**) вопрос о **верификации мысли на истинность** не выходит за рамки ее поиска **при помощи тех же самых языковых (вербальных) средств**. «Язык – дом бытия»!

Во втором же случае назначение **диалога** состоит не столько в «*dialektikē technē*», трактуемой в качестве «**техники, или даже методологии диалога**», осуществляемых в любом лингвистически коммуникативном формате, сколько в том, насколько **результаты этого диалога** являются **верифицируемыми на практике**. **А вот если они явно не в ладах с перспективой их практического воплощения**, то, похоже, что все это лишь только **досужие разглагольствования**. **И все они, относимые в плане проверки на истинность к подобному типу, то это**, пожалуй, уже удел проявления компетенции представителей иных сфер деятельности.

Ретроспективный взгляд на эволюцию идей в понимании сути диалога с различных философских позиций наглядно свидетельствует, что необходимость выбора между ними, особенно в современных условиях, имеет не столько чисто теоретическое, сколько важнейшее практическое значение.

Список использованной литературы:

1. Стяжатель Большой толковый словарь русских...
[https://gramota.ru/poisk?query=стяжатель&mode=slovari&dicts\[\]=50](https://gramota.ru/poisk?query=стяжатель&mode=slovari&dicts[]=50)
2. Диалектика. Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/dialektika-1189fe>
3. Диалектика | это... Что такое диалектика?
<https://etymological.academic.ru/1011/диалектика>
4. Батурин В.С. Диалог как средство постижения справедливости. –Актуальные проблемы мировой философии: Мат-лы IV Международной научно теоретической конференции (16-17 февраля 2023 г., Астана, Казахстан). – Астана: изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2023. – 437 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990 – 524 с.
6. Абдильдин Ж.М. Проблема начала в теоретическом познании //Абдильдин Ж.М. Собр. соч. в 5 т. – Т. 1. – Алматы: Онер, 2001. – 400 с.
7. Платон. Сочинения. В 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.
8. Материалисты древней Греции. Собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 147-152.